С. А. Исаев

Рецензия на монографию:

**Фадеев И. А. Церковь Англии:
проблема конфессиональной самоидентификации
в исторической перспективе / Под общ. ред.
И. П. Давыдова и О. В. Осиповой;
предисл. И. П. Давыдова; послесл. А. М. Прилуцкого. М.:
Маска, 2015. 416 с.**

Иван Андреевич Фадеев — по основному образованию востоковед — увлекся изучением традиции Церкви Англии, наладил контакты с британскими коллегами и получил возможность регулярно работать в Англии, в том числе в библиотеке Ламбетского дворца. Его работа содержит много такого, чего до сих пор в отечественной историографии Церкви Англии не было. И. А. Фадеев использует для характеристики ее вероучения труды авторитетнейших авторов XVI–XVII вв.: Ричарда Хукера, Ланселота Эндрюса, Уильяма Лода. Наибольшее и вполне заслуженное внимание он уделяет Р. Хукеру, обоснованно утверждая, что по многим вопросам этот систематизатор вероучения Церкви Англии придерживался взглядов Фомы Аквинского, испытывал влияние Р. Беллармина и других современных ему католических мыслителей (с. 97–113, 190–200, 250–257). Книга содержит ряд квалифицированно написанных справок по истории таких терминов и явлений, как Церковь Англии, англиканство / *Ecclesia Anglicana*, *Ecclesia Anglorum*, Anglicanism (с. 126–151), Контрреформация (с. 33–34), «низкая» церковь в отличие от «высокой» (с. 56), латитудинарианство (с. 56, 215–217), англиканские «ортодоксы» в отличие от «евангели-

ков» (с. 58–59), англо-католики и англо-католицизм (с. 61–63). Есть в ней подробный обзор тех явлений в истории средневековой католической Церкви Англии, которые можно считать предвосхищением реформы Генриха VIII и Томаса Кранмера (с. 111–132). Автор опирается на труды ведущих современных исследователей. Это прежде всего Пол Авис (Paul Avis) и Имон Даффи (Eamon Duffy).

И. А. Фадеев совершенно справедливо констатирует в англиканстве «отсутствие эксклюзивистских претензий», т.е. представлений, будто англиканство — это и есть всё подлинное христианство, а все прочие церкви подлинно христианскими не являются (с. 50). Описывая внутрицерковные партии, Фадеев симпатизирует высокоцерковникам, англо-католикам, Оксфордскому движению и привлекает для характеристики как этого движения, так и англиканства вообще литературу об оксфордцах, особенно монографию Питера Ноклза, впервые вышедшую в 1997 г.¹ Автор представляет читателю сравнительно недавние (за последние полтора века) документы Церкви Англии и Англиканского сообщества церквей; важное место среди них занимает Декларация согласия — Declaration of Assent, 1974. Он завершает анализ современных документов Англиканским Ковенантом, обсуждаемым с 2007 г. (с. 70). Фадеев показал, как в Церкви Англии бытует идея божественного права королей (с. 200–210), проследил, как в ней в разные времена понималось соотношение авторитета Писания и Предания (с. 240–248), исторического епископата и апостольского преемства (с. 249–265). Завершает книгу обстоятельный обзор англиканской литургии в ее развитии (с. 281–321).

Ошибок в книге сравнительно немного. Вот И. А. Фадеев цитирует слова епископа Ланселота Эндрюса (1555–1626), где Эндрюс перечисляет признаваемые Англиканской церковью источники вероучения: “Nobis Canon unus in Scripta relatus a Deo, Duo Testamenta, Tria Symbola, Quattuor Priora Concilia, Quinque saecula, Patrumque per ea series, trecentos ante Constantinum annos, ducentos a Constantino, regulam nobis Religionis figunt”. Перевод Фадеева: «Один Канон, записанный самим Богом, два Завета, три символа веры, четыре первых собора, пять столетий и поколения Отцов в этот период, три века до Константина и два — после» (с. 65). Читателю едва ли понятно, о чем речь после четырех Вселенских соборов. Понимать следует так: «Согласие Отцов пяти первых веков — трехсот лет до Константина и двухсот после Константина, составляют правило нашей религии». Формула содержит неявную отсылку к понятию consensus patrum — «согласие Отцов Церкви пяти первых веков», которое сформулировал, как считается, Викентий Лиринский в V в.

И. А. Фадеев пишет: «Концепция *ecclesia semper reformanda*, которую отстаивали “протестантские” идеологи XVI века, приложима к Церкви в любую эпоху» (с. 166). Это латинское выражение означает: «Церковь всегда должна быть реформируема». Не спорю с самим тезисом, но с утверждением Фадеева

об авторстве этого выражения согласиться не могу. Впервые этот лозунг провозгласила Голландская реформатская церковь в XVII в.² В цитате из работы К. Кашинга, где перечисляются «эпохи реформ» в истории церкви, среди таковых фигурирует «период иконоклазма» (с. 116). То ли Фадеев не знает, что *iconoclasm* — это византийское иконоборчество VIII в., то ли не хочет ставить столь одиозное в глазах российского читателя явление в ряд естественных для Церкви попыток ее регулярного реформирования.

Специалисты найдут в книге И. А. Фадеева очень много полезного. Но я не могу рекомендовать ее более широкому кругу читателей. Книга изобилует интереснейшими материалами, но она очень слаба концептуально. Материалы эти не упорядочены на основе последовательной концепции.

Концепция книги укладывается в три тезиса: 1) Церковь Англии — не протестантская, 2) англиканство — не протестантизм, 3) Церковь Англии — не англиканская. Все три тезиса представляют собой отрицания, но это еще невелика беда. Гораздо хуже, что И. А. Фадеев соглашается с некоторыми религиоведами, которые считают, что у понятия «протестантизм» нет сколько-нибудь определенного значения. А это закладывает в концепцию Фадеева такое логическое противоречие, что концепцию эту невозможно ни адекватно понять, ни связно изложить.

Предположим, г-н Журден должен ответить на вопрос: говорил ли он, г-н Журден, когда-либо прозой? Если г-н Журден знает смысл термина «проза», то, сопоставив этот смысл с собственными речениями, он без промедления и сомнений ответит на этот вопрос утвердительно. Но если г-н Журден не знает смысла этого термина, он не сможет ответить на вопрос никак: ни утвердительно, ни отрицательно. И когда он узнает, что такое проза, то удивится, что, оказывается, говорил прозой много лет.

И. А. Фадеев ставит вопрос: является ли Церковь Англии протестантской? Если Фадеев точно знает, что такое протестантизм, он сможет сказать, является Церковь Англии протестантской или не является. Но если он считает, что у понятия «протестантский» нет никакого определенного смысла, то он, рассуждая логически, не вправе ни утверждать, что она протестантская, ни отрицать это. На самом же деле Фадеев пытается доказать, что у понятия «протестантский» нет никакого определенного смысла, но при этом на протяжении всей книги заявляет, что Церковь Англии протестантской считать никак нельзя.

С термином «протестантизм» действительно есть проблемы. Возник он в Германии в 1529 г., т.е. примерно тогда же, когда и явление, этим термином обозначаемое. С тех пор употребление и оттенки смысла понятия «протестантизм» в устах представителей разных церквей Реформации, на разных языках и в разные времена варьировались сильно. Современный религиовед, который готов использовать понятие «протестантизм» в собственном тексте, обязан дать ему свое определение и следовать ему. И этот религиовед должен быть готов к тому, что кто-то будет недоволен тем, как он использует это слово. Ре-

лигиовед может причислить к протестантам того, кто сам себя протестантом не называет, или, наоборот, отказать в таком имени тому, кто считает себя протестантом до мозга костей.

Вообще-то проблема с понятием «протестантизм» не уникальна. Объекты изучения гуманитарных наук влияют на исследователей-гуманитариев многократно сильнее, чем объекты естественных наук — на естествоиспытателей. Ни камень, ни цветок не предъявляют геологу или ботанику требований, как их называть, и даже соловьиные трели и зудение комаров не адресуют биологам никаких предписаний относительно места соловьев и комаров в систематике птиц и насекомых. Великие систематизаторы-естествоиспытатели — Линней, Менделеев, Бутлеров — создавали свои классификации растений, химических элементов, органических соединений, «просто» изучая свойства тех, других и третьих. Но терминология, связанная с историей, часто создается самими участниками исторических событий. И историки обязаны с этой терминологией считаться, хотя бы они того или нет. Например, в Древнем Риме были оптиматы, популяры, сенаторы, пролетарии. Первые два слова так и остались историзмами, но два последних дожили до наших дней и «по пути» приобрели великое множество новых смыслов! Терминология участников событий и историков, пишущих о тех же самых событиях, часто не совпадает. Так, люди, жившие в средние века, не знали, что века, в которые они живут, назовут «средними»: такое название им дали впоследствии просветители. Византийцы не подозревали, что историки будут их называть «византийцами»: сами себя они по-гречески называли 'Ρωμαῖοι — «римлянами». При изучении истории Русской православной церкви (даже XI в.) современный исследователь называет ее РПЦ, хотя до 1917 г. у нее просто не было общепринятого названия. Мы привычно называем гитлеровскую Германию фашистской, хотя приверженцы Гитлера называли себя национал-социалистами, фашистами же — только своих итальянских союзников. Был Мирабо якобинцем или нет? Сам Мирабо про себя знал, что он якобинец: он состоял в объединении под названием Якобинский клуб до самой своей кончины 2 апреля 1791 г. После его смерти из Якобинского клуба ушли фельяны (16 июля 1791 г.), были исключены жирондисты (10 октября 1792 г.), а наименование «якобинцы» закрепилось только за теми революционерами или экстремистами, которые на год (1793–1794) установили во Франции якобинскую диктатуру. Поэтому в наше время историк, представляя Мирабо, якобинцем его не назовет.

И. А. Фадеев в начале книги цитирует Р. Козеллека, который специально изучал именно эту проблему: соотношение обиходной терминологии, современной событиям, со специальной исторической, при описании тех же событий годы и века спустя. Козеллек показал, что между двумя терминологиями постоянно возникают нестыковки, с которыми историк обязан считаться³.

Какие практические выводы должен сделать историк из наблюдений Р. Козеллека? Если понятие употребляется на протяжении нескольких веков

и слово, его обозначающее, почти не меняется, значение же меняется сильно, то историк обязан решить: будет он сам использовать это понятие, или же заменит его другим своим. Если решит использовать понятие традиционное, то должен дать ему определение и тем самым указать, для сведения читателя, какой смысл он, исследователь, сейчас вкладывает в такое понятие, как «христианство», или «демократия», или «социализм», или «протестантизм», когда использует его в своем авторском тексте (не в цитате!) без разъяснений и оговорок. Заявленное словоупотребление в каких-то случаях будет не совпадать с традиционным: ведь коль скоро на протяжении веков слово несколько раз меняло значение, то в наше время оно, даже если совпадает с одним из старых, не совпадет с другими. Но историк может принять и другое решение: что он данное слово использовать не будет. Характеризуя деятелей Французской революции, он не будет обсуждать, были Бриссо или Робеспьер «добрыми патриотами» или не были; характеризуя деятелей германской социал-демократии — не будет выяснять, были А. Бебель или Э. Бернштейн «оппортунистами» или не были. Он будет использовать для характеристики этих людей другие слова.

Одни исследователи характеризуют Церковь Англии как протестантскую, другие же категорически отвергают такую характеристику. И. А. Фадеев написав историю термина «протестантизм», пришел к выводу, что в наше время у слова «протестантизм» единого определенного значения нет, и заявил, что он, Фадеев, употреблять его не будет. Но тут же начал выяснять, является ли учение о sola fide — оправдании только верой — специфически протестантским, или нет! И уверять, что Церковь Англии — не протестантская.

Целостной концепции у книги И. А. Фадеева нет, но есть высказывания, которые составляют *disjecta membra* — «разрозненные члены» его концепции. К ним мы теперь и обратимся. В начальных главах книги Фадеев прослеживает генезис понятия «протестантизм»: показывает, что первоначально «протестантами» называли только лютеран и только католики. «Впоследствии оно стало обозначать также реформатские движения в Швейцарии (кальвинизм и цвинглианство) и было распространено на Английскую церковь». Верно и тонко он замечает: «В Англии понятие *protestant* описывало не конфессиональный феномен (как это будет на континенте), а “юрисдикционную” реальность, носившую яркий политический оттенок» (с. 83). «Однако применение данного понятия также было распространено на анабаптистов <...> В дальнейшем содержание понятия “протестантизм” будет еще больше расширено, включив в себя даже деноминации, составляющие антитринитарное движение: Свидетели Иеговы, Церковь Иисуса Христа Святых последних дней, пятидесятники-единственники и т.д.» (с. 87)⁴.

И вот настает момент, когда И. А. Фадеев должен решить: использовать понятие «протестантизм» самому или нет. Он изначально сомневается, что понятие это может быть полезно. «Мы полагаем, что термин “протестантизм”, употребление которого в Англии значительно отличалось от распространявшегося

на европейском субконтиненте, не может считаться удачным в качестве “понятия анализа”» (с. 87). Использовалось ли оно в отечественной литературе? Да. Фадеев приводит определения из недавних изданий. Термин «протестантизм» стал «названием всех форм христианства, развивающихся за рамками католицизма, православия и древних восточных церквей»⁵. «В отличие от католицизма и православия, протестантизм никогда не был единым течением: он возник как совокупность церквей и направлений, не имеющих ни догматического, ни организационного единства. Однако при всех внутренних отличиях как для самих протестантов, так и для остального мира протестантизм воспринимается как единый религиозный феномен»⁶.

Но другие «российские философы-религиоведы» — А. М. Прилуцкий и В. Ю. Лебедев — считают, что термин «протестантизм» — «весьма неудачный» (с. 89). Плох он тем, что всё содружество отечественных религиоведов использует термин этот в составе традиционной трехчленной схемы деления разновидностей христианства: католичество—православие—протестантизм. Однако, — цитирует Фадеев Лебедева и Прилуцкого, — «католицизм и православие представляют собой видовые понятия, а протестантизм — родовое»; когда эти три разновидности христианства перечисляют через запятую, то возникает смешение, которое «не только является логической неточностью, но и концептуальным нонсенсом»⁷. Прочитывая такое, Фадеев и сам называет понятие «протестантизм» «некорректным» (с. 89).

Умеют же философы-религиоведы пугать! Но бояться не надо. Любой учебник логики напомним нам: все эти «виды» и «роды» относительны. Да, «католицизм» и «православие» суть видовые понятия по отношению к родовому понятию «христианство». Но понятие «католицизм» будет родовым по отношению к «европейскому католицизму», «латиноамериканскому католицизму» и «филиппинскому католицизму». Никакого нонсенса в том, чтобы поставить «католицизм» в один ряд с «протестантизмом», нет. Я соглашусь, впрочем, что перечислять через запятую православие, католичество, протестантизм — некорректно: это ошибка логики понятий, которая называется «скачок в делении». Первичным делением христианства исторически и догматически является деление его на восточное и западное. Западное христианство, в свою очередь, делится на католичество и протестантизм. Отмечу, что, коль скоро Лебедев и Прилуцкий все-таки признают «протестантизм» в качестве родового понятия, они тем самым молчаливо признают и наличие у всех протестантских церквей какого-то единого признака, на основании которого они образуют этот род.

Но для И. А. Фадеева это обстоятельство уже не имеет значения. Он обещает сам и предлагает другим вообще отказаться от понятия «протестантизм», поскольку оно «противоречит классификационной логике» (с. 114). Существует ли такая дисциплина? Думаю, что это наукообразное название старых, еще аристотелевских правил логики понятий. Главные два правила гласят: всякое деление объектов должно осуществляться по единому основанию, с тем чтобы

члены деления были взаимоисключающими и их сумма равнялась исходному множеству объектов⁸. Правила эти мудры и полезны. Но географу и историку строго соблюдения их почти невозможно. Едва систематизатор начинает считаться с традицией как что называть, правила эти неизбежно нарушаются. Например, в географический термин «море» заложено нарушение описанного правила: Адриатическое море — часть Средиземного моря. В исторический термин «война» — тоже: Великая Отечественная война — часть Второй мировой. Готов ли Фадеев требовать от географов, чтобы они отказались от понятия «море»? Ведь оно противоречит так называемой «классификационной логике» нисколько не менее, чем понятие «протестантизм».

Оспаривая право понятия «протестантизм» на существование, Фадеев на с. 180 перепечатывает из той же книги Лебедева–Прилуцкого таблицу. Таблица эта характеризует наличие / отсутствие внутреннего (внутриконфессионального) согласия у трех религиозных сообществ — православных, католиков и так называемых протестантов — по восьми признакам: тринитарная догматика, согласие в значении таинств, внутренняя рецепция таинств, наличие общепринятых символических книг, литургическое единство, экклесиологическое единство, наличие общей эсхатологии, иерархическая централизация. Таблица из 24 клеток призвана наглядно продемонстрировать, что католичество и православие — явления с предельно внятыми характеристиками, тогда как протестантизм — непонятно что: никакого единства по восьми перечисленным показателям между протестантами нет.

Здесь В. Ю. Лебедев, А. М. Прилуцкий и примкнувший к ним И. А. Фадеев предъявляют к систематизации требование беспрецедентное. Фактически, когда исследователь формулирует принцип систематизации и проводит его со всей последовательностью, часто получается, что одни выделяемые таким образом классы многочисленны и внутренне чрезвычайно разнообразны, другие нет. Вот общеизвестный пример. Биологи выделяют в животном мире тип хордовых. Этот тип они делят на три подтипа: головохордовые, оболочники и позвоночные. К позвоночным относятся примерно 55 тыс. видов животных, в том числе и человек. А первый подтип представлен одним только классом ланцетников: всего около 30 видов. Но несоразмерность количества видов в этих подтипах ничуть не смущает биологов и не вызывает у них желания пересмотреть эту классификацию. Отсутствие у позвоночных животных того единообразия, которое налицо у ланцетников, ни у кого почему-то не вызывает желания оспорить право понятия «позвоночные животные» на существование.

Наши авторы совершенно справедливо констатируют у протестантов отсутствие единства по перечисленным показателям. Зато о православных они утверждают, будто в православии существует полное экклесиологическое единство. Спрашивается: старообрядцы — это православные или нет? Если Лебедев, Прилуцкий и Фадеев не считают старообрядцев православными, то они должны будут объяснить *ubi et ubi*, как стало возможным, что Поместный

собор РПЦ 30 мая — 2 июня 1971 г. заявил: Русская православная церковь «любовию объемлет всех свято хранящих древние русские обряды, как членов нашей Святой Церкви, так и именующих себя старообрядцами, но свято исповедующих спасительную православную веру». Если же старообрядцы — это тоже православные, то о каком экклесиологическом единстве православия можно говорить? У старообрядцев есть иерархия, существующая параллельно иерархии РПЦ, но ее признают даже не все старообрядцы-поповцы, а старообрядцы-беспоповцы вовсе ее не признают. Разнообразие юрисдикций внутри православия / старообрядчества до протестантских лабиринтов, конечно, далеко. Но разница между православием и протестантизмом в этом отношении не качественная, а лишь количественная. В другой клетке рассматриваемой таблицы утверждается, что внутренняя рецепция таинств в православии есть и что она абсолютная. Авторы как будто никогда не слышали, что Русская церковь в XVII и большую часть XVIII в. не признавала крещения обливанием, обычного у греков, и что старообрядцы такого крещения не признают и сейчас. Рисуя ради назидательного контраста с протестантами благостную картинку единства и согласия у православных, они явно перестарались.

В промежутке между изничтожениями понятия «протестантизм» в двух местах книги И. А. Фадеев ставит такой вопрос: «Насколько учения о предопределении и об оправдании только верой (*sola fide*) являются по своей сути специфически “протестантскими” доктринами?» (с. 90). Как это определить, если нет текстов, какие могли бы считаться эталоном протестантизма? Но Фадеев отвечает на этот вопрос, обходясь безо всякого эталона. Он находит у богословов первых веков и у ранних схоластов, которых никто никогда к протестантам не причислял, учения о предопределении и о спасении только верой, и утверждает, что они не являются специфически протестантскими. Утверждение само по себе совершенно справедливое. Вот только как его согласовать с заявлениями о неизбыточной расплывчатости понятия «протестантизм»? И как из него можно сделать тот вывод о Церкви Англии, который делает Фадеев? Вот он: «В этой связи мы считаем нужным подчеркнуть, что принцип *sola fide* сущностно *не является специфически “протестантским” и, следовательно, не может считаться критерием для определения той или иной деноминации в качестве (конфессионально) “протестантской” и, следовательно, мы не находим оснований для определения Церкви Англии в качестве таковой*. Более того, использование данного определения в его конфессиональном значении не будет соответствовать использованию определения *protestant* в рамках языковой реальности, существовавшей в Англии с XVI в. до середины XIX в.» (с. 113–114. — Курсив и подчеркивания текста во всех цитатах из книги И. А. Фадеева принадлежат ему. — С. И.).

Верно, что наличие *sola fide* в англиканской догматике нельзя считать решающим аргументом при решении вопроса: является ли Церковь Англии протестантской. Но каким образом из этого следует, будто нет и никаких других оснований считать ее протестантской?

Мы приближаемся к последнему звену в цепочке «антипротестантских» умозаключений И. А. Фадеева: «Из всего вышесказанного следует *вывод*: Понятие “протестантизм” является пустым рамочным понятием, поскольку содержание этого понятия, закрепившееся в традиционной историографии и обозначающее конфессиональный феномен, с нашей точки зрения, не является ему адекватным, если мы говорим о его использовании в самой Церкви Англии (особенно в период между XVI и XIX вв.)» (с. 114, почти буквальный повтор сказанного на с. 43, в пункте 5).

Насколько можно понять эту головоломную фразу, И. А. Фадеев хочет сказать следующее. Историки, пишущие о протестантских конфессиях Европы, понимают под протестантизмом не то, что члены Церкви Англии в XVI–XIX вв. Поэтому сейчас пользоваться понятием «протестантизм» нельзя ни в том, ни в другом, ни в третьем смысле. Фадеев не замечает, что тем самым он зачисляет в «пустые рамочные» вообще все понятия, созданные участниками событий и прошедшие через те трансформации, которые описывал Р. Козеллек.

И. А. Фадеев заявляет: нельзя называть протестантами тех, кто категорически не принимал этого наименования ни для себя, ни для своей церкви. Он сообщает, что Габриэль Пауэлл (Gabriel Powel, 1576–1611), в 1605 г. капеллан епископа Лондонского, с 1609 г. пребендарий собора св. Павла — отвергал понятие «протестант» как «имя, данное некоторым немцам, протестовавшим против... некоторых вещей (matters certes), которые не касаются нас, к их протесту не присоединившихся». А Мэтью Сатклифф (1550–1629), капеллан короля Якова, выступал против «постыдного имени протестанта, данного кафоличным христианам пособниками Антихриста» (с. 82) Тем не менее самоназвание «протестант» с XVII в. стало широко использоваться членами Церкви Англии. Применялось оно главным образом как антоним слова «папист» — последователь Папы, особенно сторонник папской супрематии (с. 82–83). Тогда и позже, в XVII–XIX вв., цитирует И. А. Фадеев М. С. Стецкевича, «понятие “протестантизм” употреблялось почти всегда как синоним понятия “антикатолицизм”, и почти никогда — для определения принадлежности к конкретной протестантской конфессии»⁹. Но даже когда несознательное большинство англикан это понятие относил к себе, симпатичное И. А. Фадееву меньшинство его отвергало. Автор приводит цитату из письма, которое Александр Нокс (1757–1831) 5 января 1813 г. направил Джону Джеббу (1775–1833), будущему епископу Лимерика: «Какое же извращенное влияние имело прозвище “протестант” на нашу церковь! С того момента, как этот эпитет стал модным, его вульгарная дефиниция обладала большим авторитетом среди людей церкви, чем все установленные стандарты, коими они были связаны, а последствием стал стабильный рост невежества, равнодушия и непостоянства» (с. 85). Невольно вспоминается пушкинское: «Ужели слово найдено?» Запретить его — и стольких бед как не бывало!

Итак, англиканство, по мнению И. А. Фадеева, не протестантизм. «Справедливым будет утверждение, что Англиканство — одна из самостоятельных христианских конфессий, представленная, в основном, Англиканским Сообществом», а не «просто деноминация» — одна из протестантских (с. 47). Определения, что такое конфессия, Фадеев не дает, и какие еще есть конфессии, не говорит. Аналогичной фигуры умолчания он придерживается и по отношению к понятию «деноминация». Лишь одно высказывание кое-что на сей счет проясняет: «Мы будем использовать иные, принятые в науке, понятия, обозначающие церкви, церковные организации и их последователей, ранее определявшиеся как “протестантские” (т.е. лютеранство / лютеранская церковь / лютеране; кальвинизм / кальвинистская церковь / кальвинисты и т.п.)» (с. 114–115).

Что ж, если И. А. Фадеев использует по отношению к лютеранам понятие «лютеране», всем будет понятно, кого он имеет в виду. Но если он использует по отношению к кальвинистам понятие «кальвинисты», никто ничего не поймет. Дело в том, что лютеранство — конфессия, не настаивающая категорически ни на каком определенном устройстве церкви. У лютеран Скандинавии сохранился епископальный строй; в германских государствах сформировались территориальные церкви, устроенные по типу пресвитерианских, контролируемые светскими властями; в Российской империи XVIII в. были даже лютеранские конгрегации, никакой духовной власти не подчиненные. Разнообразие церковных устройств никогда не мешало взаимопониманию в лютеранской среде. В кальвинизме же должное церковное устройство считается важной составной частью символа веры. Кальвинисты, считающие правильной централизованную организацию в пределах одного государства, назывались на континенте реформатами, в Англии и Шотландии — пресвитерианами. Кальвинисты, стоявшие за полную независимость религиозных общин друг от друга, назывались конгрегационалистами, реже — сепаратисты или индепенденты. Все они были в догматическом отношении кальвинистами, но никто из них кальвинистом себя не называл! Насколько категорически англикане настаивали на сохранении епископального строя, настолько же решительно его отвергали кальвинисты, принадлежавшие к Церкви Англии: пуритане. В своей книге Фадеев старается о таких совершенно некафолических людях не упоминать вообще, поэтому он смог обойтись без всех этих названий. Мы можем только гадать, как он охарактеризовал бы Церковь Англии в 1645–1660 гг., когда Долгий парламент упразднил в ней епископальный строй, а пресвитериане захватили власть.

Но даже применительно к эпохам более спокойным и понятным И. А. Фадеев заявляет о Церкви Англии нечто неожиданное: «*Церковь Англии, с точки зрения ее самопонимания, не является “англиканской”* (в том же смысле, в котором англиканскими являются остальные церкви, входящие в Англиканское сообщество), а *наследует средневековой католической церкви в Англии*» (с. 150).

Общепринятый до И. А. Фадеева взгляд состоит в том, что нынешняя Церковь Англии — англиканская и при этом наследница католической церкви

в Англии. Почему он думает, что эти две характеристики — взаимоисключающие? «Принимая во внимание уникальные отношения между Английской церковью и Английской Коронай, а также историческую память о связи с Церковью Рима, мы можем утверждать, что Церковь Англии не является англиканской в том смысле, в котором англиканскими являются остальные церкви Англиканского Сообщества или церкви “Истинного англиканского движения”. Последние <...> на поверку являются “англиканскими” только в предикативном (а не конфессиональном) смысле, то есть в силу своего общения (или исторической связи) с “единственно подлинной” англиканской (т.е. английской) церковью — Церковью Англии. И именно эта связь в течение XX века становится маркером их конфессиональной идентичности» (с. 151). «Взаимоотношения между Коронай и Английской церковью <...> являются уникальными в рамках Англиканского сообщества, что резко выделяет и отделяет Церковь Англии от остальных членов данной организации» (с. 226–227).

Итак, по И. А. Фадееву, член Церкви Англии *не должен* считать себя протестантом и *не должен* считать себя англиканином. Удивительно! Но и И. П. Давыдов, научный руководитель Фадеева и автор предисловия к книге, тоже видит в ней именно такие выводы: «В соответствии с предложенной им шкалой параметров “кафоличности”, Церковь Англии не является “англиканской”, а англиканство — не протестантизм, но самобытная и самостоятельная конфессия в христианстве» (с. 11).

Кем же, в таком случае, настоящий член Церкви Англии должен себя считать, и как он должен себя называть? Об этом И. А. Фадеев пишет так: «Использование термина Anglican и связанных с ним понятий (Anglicanism — “Англиканство”, Anglican church — “Англиканская церковь” и т.п.), имеющих специфическое конфессиональное значение в рамках английской религиозной истории XVI — первой половины XIX в., является нарушением принципа историзма и, соответственно, может считаться впадением в анахронизм» (с. 148). Надо писать: the English Church, church of England применительно ко времени до XVI в., а с XVI в. — Church of England, reformed Church of England.

Читатель, вероятно, удивлен: отчего это рецензент перешел на английский язык. Но что делать: И. А. Фадеев предписывает всем использовать такие названия церкви именно по-английски, а как ее следует называть по-русски, он предложить, по-видимому, просто забыл. Не предлагает он и никакого самоназвания члена церкви — ни по-русски, ни даже по-английски... Ученые — народ увлеченный и рассеянный... Могу лишь предположить, что (само)название, к которому Фадеев придирается бы не стал — это англо-католик. Это слово окутано облаком авторского благоговения на всех страницах книги, где оно встречается.

По И. А. Фадееву, настоящим членом Церкви Англии может быть только подданный короля (или королевы) Англии. Он ссылается на авторитетного правоведа Уильяма Блэкстона (1723–1780), который «юридически зафиксир-

ровал прямую зависимость между политико-гражданским статусом подданных Короны и их религиозной практикой» (с. 214). После того как США отделились от Великобритании, приходы, ранее принадлежавшие к Церкви Англии, отпали от монаршей благодати (ибо прихожане перестали быть подданными короля) и образовали церковь, которая называет себя Епископальная, но заслуживает названия англиканской. На вкус Фадеева, церковь эта явно второсортная. Он подробно излагает статью К. Подмора о специфике Епископальной церкви в США по сравнению с Церковью Англии¹⁰. «Если в Церкви Англии епископ является центральной фигурой в жизни его епархии, а епархиальный синод — совещательным институтом, то в Епископальной церкви в США ситуация противоположная: епархиальная конвенция является центральным органом в жизни диоцеза и носителем верховной власти в нем, в то время как епископ является лишь ее должностным лицом, способным действовать по ряду важных вопросов лишь с согласия постоянного епархиального комитета, избираемого, опять же, диоцезальной конвенцией». (с. 234–235). Безобразие, в самом деле: ни монарха, ни даже монархического епископата!

Еще одно важное различие между Церковью Англии и всеми остальными церквями Англиканского сообщества И. А. Фадеев видит в следующем. Англиканские церкви видят в Церкви Англии свою кирихальную церковь — «церковь-мать», т.е. ту, из лона которой они вышли. Но сама Церковь Англии считает таковой для себя Римскую (с. 149). Сопоставив такие высказывания Фадеева, мы можем выстроить ту «шкалу параметров “кафоличности”», о которой упоминает И. П. Давыдов. Исходная, максимальная кафоличность — у Римско-Католической церкви. Несколько меньшая — у Церкви Англии, состоящей из «англо-католиков». А наименьшая кафоличность во всем этом семействе церквей — у англикан, т.е. у прочих церквей Англиканского сообщества.

Выстраивая свою линейную «шкалу кафоличности», И. А. Фадеев избегает упоминания о некоторых неудобных фактах. В пределах Великобритании, помимо Англии, есть еще Шотландия. В Шотландии государственная церковь — Church of Scotland — пресвитерианская. Но в качестве церкви меньшинства в Шотландии действует и англиканская церковь. Она называется the Scottish Episcopal Church — Шотландская епископальная церковь. Эта шотландская англиканская церковь не видит в Церкви Англии свою церковь-мать, потому что для такого взгляда нет никаких оснований. Эта церковь возникла в результате попыток Карла II превратить пресвитерианскую Церковь Шотландии в епископальную. (Разумеется, еще раньше — до 1560 г. — Церковь Шотландии была католической.) Поскольку епископат в Шотландии появился исключительно по инициативе и усилиями Стюартов, небольшая Епископальная церковь сохранила верность этой династии и после «Славной революции». Таким образом, Шотландская епископальная церковь не считает Церковь Англии своей кирихальной; она не менее тесно, чем Церковь Англии, связана с монархией; однако не с ныне существующей монархией и ныне правящей династией Ганноверов /

Виндзоров, а с бывшей правящей династией — Стюартов. Какое же место должна — по параметрам Фадеева — занимать такая церковь на «шкале кафоличности»? Ведь в силу своей особой связи с более древней династией, чем Виндзоры, такая церковь должна, по-видимому, считаться более кафолической, чем Церковь Англии? Вопрос без ответа. А какое место должна занимать Епископальная церковь США, первого епископа которой — Сэмюэла Сибири — рукоположили именно шотландцы? Не буду спрашивать, какое место занимает Англиканская церковь Мексики: ясно, что в самой нижней части шкалы. Но и для этой церкви Англиканского сообщества Церковь Англии кирихальной считаться никак не может. В Мексике Англиканская церковь возникла в 1857 г., выделившись из Римско-Католической. Мексиканские либералы — сподвижники Бенито Хуареса — хотели создать альтернативную католическую церковь, лояльную республике. Первоначально она называлась «Церковь Иисуса» (la Iglesia de Jesus). Епископов ее рукоположили американские англикане. В 1875 г. англикане признали ее англиканской и приняли в Ламбетское сообщество, но в течение последующих 120 лет она называлась Мексиканская епископальная церковь (Iglesia Episcopal Mexicana), и лишь в январе 1995 г. приняла название Англиканская церковь Мексики (Iglesia Anglicana de México).

Из приведенных цитат видно, что И. А. Фадеев приписывает Церкви Англии какое-то царебожеское мировоззрение и проводит внутри англиканства надуманные различия. Если верить М. А. Булгакову, осетрина бывает только первой свежести. По Фадееву, англиканство, наоборот, бывает только второго сорта: англиканство первого сорта должно быть названо иначе, — предположительно, англо-католичество. Такого рода терминологические экзерсисы можно рассматривать только как предложение, адресуемое другим исследователям: мол, давайте пользоваться новыми терминами (или старыми терминами по-новому): они точнее и удобнее прежних. Я на это отвечаю: преимуществ не вижу. Я по-прежнему буду считать и называть Церковь Англии (в 1533–1553, 1558–1645 гг. и с 1660 г. по наше время) Англиканской, равно как и прочие церкви Англиканского сообщества.

Оправдано ли применение термина «протестантский» к каким-то церквям сегодня? Если да, то каков его смысл? И можно ли считать Церковь Англии протестантской? Понятие «протестантизм» возникло во время Реформации и до сих пор используется для описания явлений церковной жизни, которые она породила. Такая долгая и непрерывная традиция оправдывает его использование и в наши дни, если, конечно, нет очень веских причин для отказа от него. Причины, коими мотивируют свое требование отказаться от этого понятия Лебедев, Прилуцкий и Фадеев, вескими не являются. Но дать этому термину определение, описывающее его современный смысл, трудно.

Реформация была взрывным процессом в западном христианстве. Термин «протестантизм» описывает результат взрыва. Даже если сравнить представления только Лютера и Цвингли о том, какой должна была стать церковь в ре-

зультате реформы, разница окажется колоссальной. В континентальной Европе Реформация развивалась главным образом по конфессиональной парадигме: в ходе Реформации постепенно обособились конфессии — объединения приверженцев определенных вероучений: лютеране и кальвинисты. В Англии Реформация с самого начала была по своему характеру не конфессиональной: она сформировала национальную церковь, где сохранилось епископальное устройство. Правомерность епископата оспаривали приверженцы иных вариантов церковного устройства: пресвитериане и конгрегационалисты. Таким образом, в Англии Реформация развивалась по иной парадигме, которую одним русским определением, пожалуй, не описать: предметом споров было church polity — должное церковное устройство. Но процесс расколов и формирования новых сект и церквей Реформации далеко не исчерпывался этими двумя основными парадигмами. Реформы Цвингли, а позже анабаптизм (трансформировавшийся в баптизм) были результатами кризиса литургического сознания.

Однако церкви, возникшие в результате Реформации, не всегда только разделялись. Иногда они и объединяются. Одна из крупнейших церквей США — Объединенная церковь Христа (United Church of Christ). Численность ее прихожан в 2017 г. оценивается примерно в миллион. Она образовалась в июне 1957 г. в результате объединительного процесса. По своему устройству Объединенная церковь Христа является конгрегациональной. Приходы, ее составляющие, придерживаются различных вероучений. В какой-то мере догматическое лицо прихода определяется тем, к какой церкви этот приход принадлежал до 1957 г. Во-первых, в этой Церкви состоят почти все американские «исконные» конгрегационалисты, сохранившие приверженность кальвинистскому вероучению. Во-вторых, так называемые немецкие евангелики: американские единоверцы немцев, признавших в 1817 г. Прусскую унию лютеран с кальвинистами. В-третьих, немецкие реформаты. И в-четвертых, так называемые реставрационисты: последователи шотландско-американского проповедника Александра Кэмпбелла (Alexander Campbell, 1788–1866).

Может быть, Церковь эта — явление маргинальное и курьезное? Едва ли можно так назвать Церковь, к которой принадлежали и в которой служили всемирно известные христианские интеллектуалы: братья Нибуры — Ричард и Рейнгольд. Каким «принятым в науке понятием» «обозначил» бы эту церковь И. А. Фадеев? Лютеранская? В ней есть лютеране, но не только. Кальвинистская? В ней есть кальвинисты, но не только. Конгрегационалистская? Это название характеризует принцип ее устройства, но никак не богословие. Если же мы назовем эту церковь протестантской, это ее охарактеризует, в первом приближении, адекватно и сразу с нескольких сторон.

Предлагаемое определение — попытка формализации того смысла и употребления понятия «протестантизм», какие приняты религиоведами в наше время.

Протестантскими являются христианские церкви западной традиции, относящиеся хотя бы к одной из трех категорий:

- 1) все видимые церкви, отделившиеся от РКЦ после 31 октября 1517 г.;
- 2) большинство церквей, отделившихся от (1);
- 3) церкви, образовавшиеся иными способами, но установившие единство кафедры и алтаря с (1) или (2).

Категория (2) — самая спорная. К ней принадлежат, например, методисты, отделившиеся от англикан. Они сами себя считают протестантами, и их принято считать таковыми. Но принадлежность или непринадлежность к протестантам квакеров, которые выделились из разных протестантских течений — предмет полемики, которая тянется не одно десятилетие. Мормоны, которые тоже выделились из разных протестантских течений (1830), наши религиоведы нередко причисляют к протестантам, но это явное недоразумение. Вероучение мормонов по ряду позиций противоречит традиционным христианским учениям о Троице и о Христе, а новшества мормонов — апостолат, сложная иерархия — гораздо более напоминают то, с чем боролись деятели Реформации, чем протестантизм. К тому же сами мормоны себя протестантами не считают. Граница между «протестантскими» и «непротестантскими» церквями на этом участке неизбежно остается размытой: подобно границе между диалектом и языком, человеком и человеческим эмбрионом.

Категория (3) — это так называемые реставрационистские церкви: Новоапостольская церковь в Европе и «Ученики Христа» в США.

Несомненно, Церковь Англии соответствует предлагаемому определению протестантской церкви.

И. А. Фадеев написал о Церкви Англии ценную книгу. Но предпринятая им попытка переворота в представлениях о Церкви Англии не удалась. Есть все основания, как и прежде, считать эту Церковь англиканской и протестантской.

¹ Nockles P. The Oxford Movement in Context: Anglican high churchmanship, 1760–1857. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

² Общая история церкви: В 2 т. / Под ред. В. В. Симонова. Т. 2. М., 2017. С. 105.

³ См.: Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Вып. 5. СПб., 2006. С. 33–53.

⁴ И. А. Фадеев ссылается на: Казьмина О. Е., Пучков П. И. Религиозные организации современного мира. М., 2010. С. 168, 355.

⁵ Такое определение дается в коллективном труде: История религии: В 2 т. / Под ред. И. Н. Яблокова. Т. 2. М., 2004. С. 463.

⁶ Религиоведение: Учебное пособие для студентов педагогических вузов. СПб., 2008. С. 437–438.

⁷ Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М. Семиозис и семиодинамика теологических и мифологических знаковых систем. Тверь, 2010. С. 177.

⁸ Логика / Под редакцией Д. П. Горского и П. В. Таванца. М., 1956. С. 65–66.

⁹ Стецкевич М. С. Протестантизм, антикатолицизм и британское национальное самосознание Нового времени // Христианская культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы научной конференции. 12–14 июня 2000 г. Сер. Symposium. Вып. 5. СПб.: СПб философское общество, 2000. С. 36.

¹⁰ Podmore C. A Tale of Two Churches: The Ecclesiologies of the Episcopal Church and the Church of England Compared. Название статьи — «Повесть о двух церквях» — намекает на «Повесть о двух городах» Ч. Диккенса.

References

- KAZ'MINA O. E., PUČKOV P. I. *Religioznye organizacii sovremennogo mira*. [Religious organizations of the modern world. In Russ.] Moscow, 2010.
- KOZELLEK R. *Social'naâ istoriâ i istoriâ ponâtij* [Social history and the history of ideas. In Russ.] // *Istoričeskie ponâtîi i političeskie idei v Rossii XVI–XX veka*. Vyp. 5. SPb., 2006. S. 33–53.
- LEBEDEV V. Ū., PRILUCKIJ A. M. *Semiozis i semiodinamika teologičeskikh i mifologičeskikh znakovyh sistem*. [Semiosis and semidynamic theological and mythological sign systems. In Russ.] Tver, 2010.
- Logika* / Ed. by D. P. Gorskiy, P. V. Tavanec. Moscow, 1956.
- NOCKLES P. *The Oxford Movement in Context: Anglican high churchmanship, 1760–1857*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Obšââ istoriâ cerkvi: V 2 t.* [General history of the Church: In 2 vol. In Russ.] / Ed. by V. V. Simonov. Vol. 2. Moscow, 2017. S. 105.
- Religiovedenie: Učebnoe posobie dlâ studentov pedagogičeskikh vuzov*. [Religious studies: textbook for students of pedagogical universities. In Russ.] St Petersburg, 2008.
- STECKEVIC M. S. *Protestantizm, antikaticolizm i britanskoe nacional'noe samosoznanie Novogo vremeni* [Protestantism, anti-Catholicism and British national identity of the New time. In Russ.] // *Hristianskaâ kul'tura na poroge tret'ego tysâčeletiâ: Materialy naučnoj konferencii*. 12–14 iŭnâ 2000 g. Ser. Symposium. Vyp. 5. SPb.: SPb filosofskoe obšestvo, 2000.

Список литературы

- Казьмина О. Е., Пучков П. И. Религиозные организации современного мира. М., 2010.
- Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Вып. 5. СПб., 2006. С. 33–53.
- Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М. Семиозис и семиодинамика теологических и мифологических знаковых систем. Тверь, 2010.
- Логика / Под ред. Д. П. Горского и П. В. Таванца. М., 1956.
- Общая история церкви: В 2 т. / Под ред. В. В. Симонова. Т. 2. М., 2017. С. 105.
- Религиоведение: Учебное пособие для студентов педагогических вузов. СПб., 2008.
- Стецкевич М. С. Протестантизм, антикатолицизм и британское национальное самосознание Нового времени // Христианская культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы научной конференции. 12–14 июня 2000 г. Сер. Symposium. Вып. 5. СПб.: СПб философское общество, 2000.
- Isaev S.A. An Estimation of the monography: *Fadeev I.A. The Church of England: a Problem of Its Confessional Self-Identification, considered from the historical viewpoint*. Moscow, 2015.
- Nockles P. *The Oxford Movement in Context: Anglican high churchmanship, 1760–1857*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Исаев, Сергей Александрович — к.и.н., старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Isaev, Sergey Alexandrovich, Ph.D., senior researcher of the St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: isayevsviir@yandex.ru